

К 90-летию В. В. Маяковского

РЕВОЛЮЦИЕЙ МОБИЛИЗОВАННЫЙ И ПРИЗВАННЫЙ

Любим старшего поколения с детства запомнились неожиданные, но столь характерные для Маяковского строки:

Я хочу,
чтоб в дебатах
потел Госплан,
Мне давая задание на год.

Так же навсегда запомнилось гордое убеждение поэта в партийности всех его книжек, которые он готов был предъявить истории «как большевистский партбилет».

Об этих стихах Маяковского вспоминаешь в первую очередь, так как девяносто лет со дня рождения талантливейшего певца Великого Октября и социалистической стройки мы отмечаем в дни, когда вся наша страна находится под непосредственным впечатлением программных документов июньского Пленума ЦК КПСС.

Ни в коей мере не хотелось бы противопоставлять Маяковского другим советским поэтам — хорошим и разным. И все же факт остается фактом: знакомясь с материалами Пленума, невольно в первую очередь вспоминаешь Маяковского.

Пленум подвел итоги историческим свершениям партии и советского народа. Вчитываясь в лаконичные строки его материалов, советский человек не может не испытывать законного чувства гордости. А кто же, как не Маяковский, отлил это чувство в чеканные строки:

...Землю,
которую завоевал
и полуживую
вынылчил,
где с пудей встань,
с винтовкой ложись,
где каплей
лешься с массами, —
с такою
землею
пойдешь
на жизнь,
на труд,

● Владимир Маяковский среди молодежи на выставке «20 лет работы».

на праздник
и на смерть!

Вот это кровное единство со своей страной и народом, ощущение героического смысла повседневного, будничного труда советских людей и продиктовало Маяковскому незабываемые «Стихи о советском паспорте».

Близость Маяковского сегодняшнему дню и в том, что он, как никто, славивший наши достижения, наш труд, никогда не терял трезвого взгляда на жизнь, видел не только самоотверженных

строителей величественного здания Коммуны, но и мещан, паразитирующих на их свершениях.

Всем этим и объясняется, почему именно Маяковский упоминается в материалах июньского Пленума. В докладе члена Политбюро ЦК КПСС, секретаря ЦК КПСС К. У. Черненко читаем:

«Важно, чтобы в сознании людей не сглаживалось понимание истинной цены исторических достижений советского общества, чтобы гордое чувство гражданина нового мира не съедала, как

говорил Владимир Маяковский, страшнейшая из амортизаций — амортизация сердца и души».

А ведь именно такова участь и послереволюционных, и послевоенных, и самоневейших, кичащихся своей респектабельностью мещан. И никто не заклеил их столь метко и убийственно, как Маяковский.

И еще об одном историческом совпадении хочется напомнить.

90-летие со дня рождения поэта совпадает с большим юбилеем, который отмечает

наша страна, международное коммунистическое движение, — восьмидесятилетие Второго съезда РСДРП, рождения ленинской партии большевиков.

Нет сомнения, что и в этой связи нельзя не вспомнить Маяковского:

Партия и Ленин —
близнецы-братья...

Стихи эти с честью выдержали более чем полувековую проверку временем. И звучат они сегодня, будто сейчас вот вышли из сердец миллионов и миллионов советских людей — коммунистов и беспартийных.

Патриотизм Маяковского органически слит в его душе и творчестве с интернационализмом. Поэт славил дело Октября, так как видит в нем начало большого пути к счастью и братству всех людей планеты.

Патриотизм Маяковского слит с непримиримой борьбой против поджигателей войны.

Разве можно отрешиться от впечатления, что это сегодня написаны строки:

Сейчас
попытожена
великая война.
Пишут
мемуары
истории писцы.
Но боль близких,
любимых нам
еще кричит из сухих цифр.
30 миллионов
взяли на мушку,
в сотнях
миллионов
стенанье и вой.
Но и этот
ад покажется погребушкой
рядом
с грядущей
готовящейся войной.

Таким был, таким живет с нами Маяковский в современном мире.

Этот мир разделен. И его характерной особенностью

(Окончание на 3-й стр.).

СЕРДЦЕ С ПРАВОЙ В ДВОЕМ

РЕВОЛЮЦИЕЙ МОБИЛИЗОВАННЫЙ И ПРИЗВАННЫЙ

(Окончание.
Начало на 1-й стр.)

является, как отмечено Плехановым, небывалое за весь послереволюционный период обострение борьбы двух общественных систем, двух полюсов противоположных мировоззрений.

В этих условиях творческое наследие замечательно-го трибуна дела Ленина приобретает особое значение и само становится ареной острой борьбы.

Почему же и сегодня замирает аудитория, когда звучат с эстрады его произведения самой разной тональности, разных жанров?

С самого начала, несмотря на желтую кофту и все прочие приемы атак, творчество Маяковского было гуманистическим по самой своей сути, по своей устремленности, в какую бы причудливую, бунтарскую форму оно ни облачалось в доверию. Оно было, так как Маяковский не просто бунтовал против «сытых». Он поставил перед собой задачу делать социалистическое искусство. Отсюда и происходил изначальный гуманизм его творчества. Создание социалистического искусства оказалось действительно делом трудным. Однако Маяковский

справился с ним. Этим и определяется его подлинное новаторство, его мировое значение.

Путь поэта к социалистическому искусству способствовал углублению гуманистического пафоса его творчества. Его вехами стали трагические события эпохи, нарастающая революционная волна, торжество ленинизма. Все это питало и растило талант молодого поэта, способствовало его творческой зрелости.

Маяковский! С годами становится все очевиднее, какая это действительно громадина, если пользоваться его лексиконами. Превеличение,

поэтическая метафора? Конечно! Но такое ли большое превеличение? Разве не планетарные дела призвана решать наша партия, наш народ, и разве не им — этим делом — посвятил свой талант поэт?

В том-то и состоит одна из великих заслуг Маяковского, что он прекрасно понимал глобальные цели наших дел и своего поэтического труда.

Хрестоматийно известны строки Маяковского, которые хочется сегодня напомнить:

Это время гудит
телеграфной струной,
Это сердце с правдой
вдвоем.

Это было
с бойцами,
или
в сердце
было в моем.

В конце строфы нет вопрошательного знака. Это размышление и признание. И, кажется, главное признание, признание, что душа поэта и жизнь — трудная героическая жизнь страны слились воедино.

Если говорить о главном завете Маяковского, то он и заключается в этих строках. Надо лишь, чтобы художник сумел слить свое сердце с жизнью страны, свершениями и устремлениями своего

народа, с его радостями и тревогами.

Именно к этому призывает нас партия.

Думается, что чем глубже будем мы постигать неповторимое своеобразие поэтического наследия Маяковского, тем отчетливее будут выявляться его могучая корневая система, его связи с великими традициями русского и мирового искусства. Помогут эти исследования точнее определить и место Маяковского в мировой художественной культуре XX века.

Г. БЕРДНИКОВ,
член-корреспондент
Академии наук СССР.

ОТ ИМЕНИ НАСЛЕДНИКОВ

Александр Прокофьев мечтал написать венок сонетов о своих любимых поэтах. К сожалению, этот замысел он осуществить не успел. Прожив с ним почти двадцать лет под одной крышей, я был участником и слушателем его бесед о поэзии и поэтах. «Сажень для венка сонетов» — так я назвал свою книгу, которая сложилась под впечатлением этих разговоров. Предлагаемая глава посвящена Владимиру Маяковскому.

Не было, пожалуй, такой недели, в течение которой А. Прокофьев не возвращался бы в своих разговорах, делах, беседах к Маяковскому.

Помню, что в одном очень обстоятельном и серьезном разговоре о Маяковском Александр Андреевич мне сказал: «Это, наверное, неправда, подобно звучит, но я никогда не знал возраста Вл. Маяковского. Не задумывался об этом. Он мне казался настолько значительным и авторитетным, что я принимал его как патриарха, как старейшину, как поэта партии, который имел право сказать так:

Явившись
в ЦК
Нам
светлых лет,
Над бандой
поэтических
рвачей и выжиг
Я подымлю,
как большевистский
партизлет,

Все сто томов
моих
партийных книжечек.

Меня не раз подчеркивал А. Прокофьев, да, я думаю, и многих остальных наших поэтов он научил писать о главном в той нашей жизни. О революции, о стране, о тех, кто «вышел строить и мстить». «Теперь о Республке. Она озабочена — ей нужно рваться вперед. Она, первоходная и рабочая, не так еще закипела».

Дело в том, что по-маяковскому, и я этого истою держусь, писать надо, зная, что твое слово необходимо и как штык, и как лопата, и как знамя. Маяковский первый сумел в нашей поэзии не только почитать, но и поэтически воплотить призыв Ленина писать для народа и быть полезным народу. И в то же время увлекать, звать вперед. И все мы — советские поэты эту азбуку учили по Маяковскому, — продолжал Александр Андреевич.

Может, кто-то другой и откажется от этого, но я так понимаю все с самого начала, так понимаю и сейчас. И счастье, что усвоил эту поэтическую полноту Маяковского. Он, конечно, был и удивительный человек, и немаловажной силы поэтический лидер.

Там
за горами горы
солнечный край не печатный.
За морем море
шаг миллионный печатный!

Мы идем!
Штурмует двери раи.
Мы идем,
Пробийм дверь другим.
Выше наше знамя!
Серб,
отгнем играв,
обнимаем с молотом
радуги-дуги.

Мы все: и Тихонов, и Асеев, и Светлов, и Белинский, да и многие другие писатели тех лет — люди не робкого десятка, и голод, и войну видели, и еще кое-что, но перед Маяковским робели от его какой-то гигантской поэтической несокрушимой силы мысли. Его наступательность, актуальность, бескомпромиссность и партийность захватывали, заражали, увлекали и мобилизовывали.

Александра Андреевича особенно восхитил в Маяковском умение гениально и четко сказать о главном, и в первую очередь о Ленине, о времени, о любви. Прокофьев считал, что среди советских поэтов никто не сумел подняться так высоко и прикоснуться к заоблачным вершинам поэзии. Вот почему Маяковский недосгаем, как гигант. Ленин — это партия большевиков, это новый социалистический строй, это новая наука и культура и это новые, раскованные от унижения рабства власти отношения между людьми (и в первую очередь, между Лениным — вождем — и самым обыкновенным крестьянином, рабочим).

Ты
вспомни, — говорил Александр Андреевич, — «Вечно будет ленинское сердце клочкотать у революции в груди».

Или:
Москва —
островом,
и мы на острове,
Мы
голодные,
мы — нищие,
С Лениным в башне
и с натаном в руке.

Под влиянием Маяковского я не раз обращался к ленинской теме, но, вспоминая мощь его слова, отказывался от этого замысла. И только после его смерти решился написать — решился, — подчеркивает Александр Андреевич, — потому что стал понимать: настало время «принимать законное наследство до последней запятой».

Но мы и в буре наступлений, Нежелезо землю застилаем, Пронеслиши ния Ленин, Как снова не промолчим!

Особо меня поразила его способность передать время и состояние людей, пронизанных этим временем и способных дар своему народу.

А. НЕСТЕРОВ,
ЛЕНИНГРАД.

«ПЯТНАМИ КРАСОК И ЗВОНОМ ЛОЗУНГОВ»

«Маяковского я впервые увидел сквозь «Окна РОСТА»... До сих пор неизгладимы в памяти: громкий голос... Чеканка чеканки. Чеканка мысли. Озаренность Октябрем во всем», — писал о Владимире Маяковском Сергей Эйзенштейн. «Озаренность» характерна и для личности поэта, и для всех областей его творчества.

Самое время, тяжелое и героическое, требовало новых форм искусства. Таким искусством, воспитывающим людей, откликающимся на самые волнующие вопросы дня, стала «Слеса сатиры», одним из главных создателей которых был Владимир Маяковский. Эти плакаты летом 1919 года стало выпускать РОСТА (Российское телеграфное агентство), «Окно» № 1 появилось в конце августа, оно напоминало увеличенную до размера плаката страницу журнала, заполненную мало связанным между собой материалом: карикатуры, сатирические стихи, миниатюры, небольшие фельетоны. Этот ручной плакат был вывешен в витрине магазина на углу Чернышевского переулка и Тверской улицы и сразу вызвал интерес, что вдохновило автора на новые работы. Плакаты стали появляться на вокзалах, агитпунктах, в витринах (окнах) магазинов. По месту их первоначального размещения они и назывались «окнами».

Приход Маяковского в РОСТА был закономерным. «Окна РОСТА» были как раз той формой общения с народом, которая наиболее отвечала целям и задачам творчества художника революции. Первое «окно» Маяковского — оно появилось № 5 — вышло осенью 1919 года и было посвящено партийной борьбе, которая проходила в Москве 8—13 октября, когда городу угрожал войска Деникина, Петроград — Юденича. Агитация была направлена на пополнение рядов коммунистов.

Плакат составляли два рисунка, которым соответствовали стихотворные строки. Тучный белогвардейский генерал, уничтожая на своем пути борющихся одиночек, продавался вперед.

Рабочий! Глупость беспартийную выкинь!

Если хочешь жить с другими
вразброд —
Все по очереди словить
Денкин,
Все сократ генеральский
рот.

На втором рисунке — генерал повержен, рабочий, в руках которого разбитое знамя с надписью «Коммунистическая партия», уверенно идет навстречу солнцу.

Если ж на зов партийной
недели
Придут миллионы с фабрик
с пашен —
Рабочий быстро докажет на
дворе,
Что коммунистам никто не
страшен.

Целью серии сатирических персонажей созданы Маяковским. Многие из них переходят в «окна» и к другим росткам — Врангелю, меньшевикам, капиталистам. Маяковский тоже использует находки товарищей, поправившие ему. Все это не только создавало совершенно новый образный язык плаката, но и наводило ускорение его выпуска. Выразительные рисунки, образы, дающие простоту стилю поэта в «окнах», Маяковский дал плакату слово огромной силы, убеждения, призыва, гнева. Недаром книгу свою о работе в РОСТА назвал он «Грозный смех».

Маяковский работал в РОСТА и ПП (Главполитпросвет, который с января 1921 по январь 1922 года был продолжен выпуск «окна» больше двух лет. За это время он сделал несколько тысяч рисунков и подписей к ним. И если бы он не вошел в мировую культуру как и гениальный поэт, он вошел бы туда как создатель «Окна сатиры РОСТА» — яркого, неповторимого искусства революции, поднимающего народные массы на борьбу за правое дело и вместе с ними одержавшее победу.

М. НЕМИРОВА,
заместитель директора
Государственного музея
В. В. Маяковского.

ПУБЛИКУЕТСЯ ВПЕРВЫЕ ЧИТАЕТ ПОЭТ

Мало кинооператоры снимали Владимира Маяковского. Хорошо известны несколько документальных съемок, которые сохранились в Центральном государственном архиве кинофотодокументов СССР.

В кинофильме относятся к 1927 году: В. Маяковский выступает в Колонном зале Дома союзов на 10-летию Московского комсомола. Маяковский читает стихи на съезде безбожников (несколько метров пленки) и присутствует на встрече с украинскими писателями в Госиздате (также немалого кадра).

Хорошо известно участие Маяковского в художественных кинофильмах. Поэт написал сценарии фильмов «Варшавия и Хулиган», «Законченная фильмой», «Не для денег родившийся» и даже снялся в них. Фильмы, к сожалению, сохранились частично: «Варшавия и Хулиган» (без титров) и «Законченная фильмой» (в фрагментах).

При отборе кинохроники литературной жизни страны для многосерийного телевизионного фильма, посвященного теме «Советская литература и театр 20-х годов», был обнаружен кинохроника, где среди кинохронки, связанных с авиационным праздником на Ходынском поле (аэродроме), оказались кинокадры выступления Маяковского на сцене Большого театра. Кинокадры представляют титры: «В заключение выступил поэт В. Маяковский с чтением поэмы «Летающий пролетарий».

При расшифровке киноленты сотрудниками ЦГАКФД СССР удалось установить, что кинороль представляет хроникальный Авиажурнал № 2 1925 года, который выходил с 1925 по 1926 год. Названный номер журнала был посвящен годовщине ОДВФ — Общества друзей воздушного флота. В связи с этим в журнал были включены сюжеты, связанные с ОДВФ, заснят праздник на Ходынском поле, где присутствовали руководители воздушных сил республики. Выступление В. Маяковского в театре также было связано с юбилеем.

Обратившись к «Хронике жизни В. Маяковского» под редакцией В. Катаняна, узнаем: «Маяковский прочитал поэму впервые в апреле 1925 года перед делегатами съезда ОДВФ в Большом театре».

Газета «Рабочая Москва» от 7 апреля 1925 года, сообщая о заседании съезда и выступлении В. Маяковского, указывала: «Снимался кинохроника».

Таким образом, кинофильм с титрами «В заключение выступил поэт В. Маяковский» есть не что иное, как еще одна съемка Маяковского, малоизвестная широкому зрителю.

В литературном музее Маяковского его сотрудники рассказали, что поэт очень серьезно интересовался авиацией, был знаком с летчиками тех лет и дружен с поэтом Вас. Каменским, бесстрашным авиатором. Он-то и привлек В. Маяковского к теме авиации.

Для Маяковского авиация была тесно связана с будущим нашей страны и всего человечества. Для тех, кто слушал Маяковского 7 апреля в Большом театре, его поэма казалась фантастической. Прошло 60 лет, и многое воплотилось в действительность. Сегодня мы убеждаемся, как верно поэт передал ощущения авиаторов будущего:

Сами
себя ж
догоняя еле,
С часами
летели.
шло
творит чудеса:
два солнца
двое сполна;
и дважды
в 24 часа;
и дважды
всходила луна.

Глядя на кинокадры, где поэт увлеченно и темпераментно говорит о будущем, подкрепляя слова характерным жестом руки, проникаешься его страстной убежденностью.

Думается, что тема «Маяковский и авиация» еще ждет своего раскрытия, и кинокадры, запечатлевшие этого поэта в момент его обращения к слушателям и читателям, нам особенно дороги.

И. ФУРМАНОВА,
научный сотрудник ЦГАКФД СССР.

Игорь ИЛЬИНСКИЙ: ГОРЯ, ОН ЗАЖИГАЛ ДРУГИХ

Игорь Владимирович Ильинский принадлежит к числу тех теперь уже немногих людей, которым довелось не только слышать и видеть Владимира Маяковского, но и работать с ним. Сегодня он по просьбе нашего корреспондента делится воспоминаниями о поэте революции.

— Мне, можно сказать, личное знакомство с Маяковским произошло не как с поэтом, хотя стихи его уже доводилось к тому времени читать в журналах, а как с художником. Было в Москве 8—13 октября, когда городу угрожал войска Деникина, Петроград — Юденича. Агитация была направлена на пополнение рядов коммунистов.

Плакат составляли два рисунка, которым соответствовали стихотворные строки. Тучный белогвардейский генерал, уничтожая на своем пути борющихся одиночек, продавался вперед.

Рабочий! Глупость беспартийную выкинь!

Маяковский одним из главных достоинств нового искусства считал его оперативность. Телеграфная информация, получаемая РОСТА с фронтов гражданской войны и из разных районов страны, давала возможность использовать самые последние новости, нередко опережая печать.

«От нас требовалась машина быстрая: бывало, телеграф-

не выступить, а работать, делать свое дело. Он мог снять плакат, который его стеснял, и это шокировало только мешан. Большинство понимало, что поэт снял плакат вовсе не из неуважения к публике, а просто ему так удобнее работать».

— Чем вас привлекал произведение Маяковского?

— Из всех поэтов, популярных в годы моей юности, Маяковский импонировал мне резким неприятием тогдашней капиталистической действительности, своим бунтарским духом. Поэт едко и беспощадно издевался над сытыми, дразнил их, бросал смелый вызов их вкусам, мнениям, взглядам. Я тянулся к нему интуитивно, как к выразителю моего собственного настроения. Мне тоже были ненавистны всякие условности, ограничения. Правда, моя жажда бури сводилась к неприятию бессмысленного гимнастического устава, стремление освободиться от его оков. Но постепенно я стал смотреть на жизнь сквозь призму стихов Маяковского. Вместе с ними ко мне приходило политическое прозрение.

— Как произошла ваша встреча с Маяковским-драматургом?

— Осенью 1920 года с юга России в Москву приехал известный режиссер В. Э. Мейерхольд. Он выступал на театральных митингах, призывал создать театр новых форм, который будет нести трудящимся массам идеи Октября. Как только такой коллектив — «Театр РСФСР первый» — родился, я поступил в него. Здесь и про-

изошла моя встреча с пьесами Маяковского. Он видел в Мейерхольде близкого ему по духу и взглядам режиссера и принес ему свою пьесу «Мистерия-буфф», которую называл «догрой революцией». Автор как бы поэтически обобщал в ней процесс ломки старого мира и создания нового, социалистического строя.

Маяковский и Мейерхольд хотели приурочить спектакль к празднику Первой мая 1921 г. Репетиции не прекращались ни на один день. Маяковский буйствовал, принимал участие в развлекательных мизансценах, в оформлении и одновременно продолжал обогащать текст остроумными репликами: «Одному — бублик, другому — дырка от бублика. Это — есть демократическая республика».

В этой по существу первой советской пьесе мне дали две роли. Исполнение роли меньшего сопоставителя имело для меня принципиальное значение. До тех пор мне приходилось играть преимущественно классические роли, хорошему актеру. Роль же которую получил в «Мистерия-буфф», предполагала, по замыслу Маяковского, образ современного, живого человека. В ней я впервые ощутил силу и прелесть простых, естественных интонаций. Этим прозрением я обязан Маяковскому-драматургу. Маяковский, что назывался, открыл меня зрителям в новом качестве и одновременно открыл мне глаза на современную драматургию, помог в полной мере понять, как велико ее общественное значение.

не, о котором он сказал ярко и образно: «Театр — не отражающее зеркало, а — увеличивающее стекло».

— В спектакле «Клопы вы играли Присыпкин. Как складывался этот образ?

— Если я зрительно не представлял себе своего героя в мельчайших деталях, то не могу эту роль играть. Войти в образ Присыпкина удалось не сразу. Богатая палитра красок — интонации, жесты, мимика — все это было подсказано в значительной степени самим Маяковским. Он находил время для выбора костюмов, сам нашел одежду для Присыпкина в Московское. Мы строили образ на парадоксальном сочетании черт внешних и внутренних. С одной стороны, монументальная походка человека, уверенного в прочности своего положения и своих идеалов личной жизни при социализме, а с другой — крестинское выражение лица, тупость в глазах, самодовольство в словах и поступках, беспросветная наглость зазнавшегося выскочки. Как это ни покажется удивительным, но безапелляционная уверенность я взял от самого Маяковского (таким он был на эстраде), перенял его размахистую походку, и оказалось, что именно таким виделся Присыпкин и самому драматургу. Маяковский понаблюдал, как должен вести себя Присыпкин в некоторых ситуациях, каким тоном произносить реплики.

Творческое отношение Маяковского передавалось всем. Горя, он зажигал других. Не помню автора, который был бы так

внимателен к актерам, помогая им выжить в роль, считая с их мнением и советами. И что замечательно — Маяковский никогда не раздражался, был терпелив, корректен и тактичен.

— Маяковский-поэт можно и сегодня называть нашим современником. В чем вы видите непреходящее значение его творчества?

— Суть творчества Маяковского была проникновенная правда о революции, новом человеке — строителе коммунизма. Он прозорливо взглянул в будущее глазами волевого поэта-коммуниста, для которого дело партии — его дело. Вот почему, когда он восторженно восклицал: «Я радуюсь маршу, которым идем в работу и сраженья», когда в «красных арапах» писал с презрением о лицах с «противными скрюченными ртиной», у которых в «заднем кармане всякий билет, союзный или — партийный», искренность Маяковского не вызвала сомнения.

Следует учиться у него открытой борьбе за коммунизм, искренности в выражении чувств советского патриотизма, партийности творчества. Ни одно событие, так или иначе затрагивающее благополучие страны и народа, не оставалось им незамеченным. Вспомните его знаменитые стихотворения, опубликованные в «Известиях» в ответ на ноту Керзона. В одном из них сказано: «Если нас всякая тот или иной закон спровочниковать войной», — наш ответ: нет! Мало называть Маяковского своим учителем и наставником. Его надо любить живого, не наводить хрестоматийный глянec.

Беседу вел
И. ОКУНЕВ.

Трибуна нового строя, новых отбросов людей, Маяковский тогда почувствовал и понял, что такое фашизм, что он все сделает, чтобы задушить свободу народов. Но он понял и другое, что фашизм — выкорчеванный империализм и что надо смотреть дальше, смотреть за океан, где под сенью «статуи свободы» аскарилизуются новые ценные псы, дже янки — «с песней, с виски, сыты по-вински» и где:

За паузой:
полюбуется.

Вот
ему
наложили янки
Сильнейший
морской
и воздушный флот
и газы в баллонах и
танки.

Находясь в Америке, Маяковский не только предупреждает, но и пророчески предсказывает все возможные в будущем очень важные симптомы политической дегенерации.

И Прокофьев читает:
«Может статься, что Соединенные Штаты станут последними вооруженными защитниками безнадёжного буржуазного дела».

— Самым трагичным днем того времени, да, пожалуй, и до сих пор, — говорил Прокофьев, — был для меня день, когда я узнал о смерти Маяковского. Это была невосполнимая утрата и для поэзии, и для народа:

И являя смертельный
взлет пули,
Встань, Земля, в почетном
Над последним берегом пещи.
— И когда я писал об этом, — сказал Александр Андреевич, — я вспоминал его как гражданина и как политического деятеля, отдавшего свой гениальный дар своему народу.

А. НЕСТЕРОВ,
ЛЕНИНГРАД.